

А.А. Сидоров*

«ТИХООКЕАНСКАЯ ПАКТОМАНИЯ»: У ИСТОКОВ САН-ФРАНЦИССКОЙ СИСТЕМЫ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
119991, г. Москва, Ленинские горы, 1*

В течение почти 80 лет после окончания Второй мировой войны военно-политические союзы Соединенных Штатов находились в центре регионального порядка как в Западной Европе, так и в Восточной Азии. В настоящее время послевоенная сеть альянсов США остается ключевым компонентом их политики в области международной безопасности, в основе которой лежит сохранение военного превосходства над нынешними и потенциальными соперниками на Евразийском континенте. При этом подходы США к выстраиванию союзнических отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе с самого начала отличались ярко выраженной спецификой. Чтобы лучше понять ее, а также выявить общие принципы формирования региональной политики США, представляется целесообразным обратиться к изучению генезиса так называемой Сан-Францисской системы — комплекса военно-политических договоренностей Вашингтона с азиатскими странами, сложившегося в первые годы холодной войны. Ядром этой системы стала серия соглашений между США и рядом региональных игроков, включая Японию, Филиппины, Австралию, Новую Зеландию, Республику Корея и Тайвань. В статье подробно проанализированы ход переговоров и содержание договоров между Соединенными Штатами и каждой из указанных стран. Эти договоры, по мнению автора, можно условно разделить на «гарантийные» и «перестраховочные». Примером договора первого типа служит тройственный Тихоокеанский пакт безопасности с Австралией и Новой Зеландией, который обеспечивал союзникам гарантии со стороны США в случае возрождения японского милитаризма. К «перестраховочным» следует отнести договоры о взаимной безопасности с Республикой Корея и Тайванем. Заключая их, США стремились, с одной стороны, обе-

* Сидоров Андрей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: aas107@mail.ru).

спечить безопасность важных для стратегии «отбрасывания коммунизма» союзников, а с другой — застраховаться на случай авантюрных шагов их руководителей, минимизировав риск собственного вовлечения в ядерную войну с «коммунистическим блоком». Для описания получившейся структуры союзнических отношений стали использовать образ «колеса с втулкой и спицами». Такая «геометрия» связей «тихоокеанского кольца» оказалась достаточно устойчивой, и, как следствие, Сан-Францисская система, которая первоначально носила ситуативный характер, продолжает, пусть и в несколько измененном виде, существовать по сей день.

Ключевые слова: Сан-Францисская система, Ялтинско-Потсдамский порядок, модель «втулки и спиц», Тихоокеанский пакт, США, Япония, АНЗЮС, холодная война, Г. Трумэн, Д. Эйзенхауэр, Дж.Ф. Даллес, Ли Сын Ман, Чан Кайши, военный союз

Для цитирования: Сидоров А.А. «Тихоокеанская пактомания»: у истоков Сан-Францисской системы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 1. С. 162–202. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-162-202.

Andrey A. Sidorov

THE PACIFIC PACTOMANIA: AT THE ORIGINS OF THE SAN FRANCISCO SYSTEM

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

For almost 80 years after the end of World War II, the U.S. military and political alliances formed the core of the regional order in both Western Europe and East Asia. Nowadays, the post-war network of American alliances remains a key component of their international security policy, aimed at ensuring military superiority over existing and potential rivals on the Eurasian continent. At the same time, the U.S. approaches to alliance building in the Pacific had certain peculiarities from the very beginning. In order to better understand them, as well as to identify the general principles of U.S. regional policymaking, it seems appropriate to study the genesis of the so-called San Francisco system, a complex of military-political arrangements between the United States and Asian states that developed in the early years of the Cold War. The core of this system is a series of agreements between the United States and a number of regional actors, including Japan, the Philippines, Australia, New Zealand, the Republic of Korea, and Taiwan. The article examines the course of negotiations and the content of

agreements between the United States and each of these countries. According to the author, these agreements can be roughly divided into 'guarantee' and 're-insurance' treaties. The former can be exemplified by the triple Pacific Security Treaty engaging Australia and New Zealand, which provided the allies with U.S. guarantees in the event of resurging Japanese militarism; mutual security agreements with the Republic of Korea and Taiwan stand for the latter. By concluding them, the United States sought, on the one hand, to guarantee the security of the allies crucial for the 'Roll-back of Communism' strategy, and, on the other, to ensure against any reckless steps by their leaders, minimizing the risk of the U.S. involvement in a nuclear war with the 'Communist bloc'. The image of a 'wheel with a hub and spokes' was used to describe the established structure of allied relations. This 'geometry' of the links within the Pacific Rim appeared to be quite stable and, as a result, the San Francisco system, which was initially ad hoc, continues to exist today, albeit in a somewhat modified form.

Keywords: San Francisco system, Yalta-Potsdam order, hub-and-spoke system, Pacific Pact, United States, Japan, ANZUS, Cold War, Harry Truman, Dwight Eisenhower, John Dulles, Syngman Rhee, Chiang Kai-shek, military alliance

About the author: *Andrey A. Sidorov* — PhD (History), Associate Professor, Head of the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: aas107@mail.ru).

For citation: Sidorov A.A. 2025. The Pacific pactomania: At the origins of the San Francisco system. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 1, pp. 162–202. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-162-202. (In Russ.)

Среди крупных держав современного мира только Соединенные Штаты Америки располагают широкой сетью оформленных договорами военно-политических союзов, многие из которых возникли еще в первые годы холодной войны. Самым крупным и известным среди них была созданная в 1949 г. Организация Североатлантического договора (НАТО), которая в период биполярного противостояния с Советским Союзом являлась несущей конструкцией в архитектуре «сдерживания коммунизма». Она и по сей день остается важным инструментом американской внешней политики, и именно ей отдается пальма первенства при рассмотрении системы военно-политических альянсов, ключевым участником которых являются США. Гораздо

меньше внимания уделяется союзам, которые Вашингтон заключил со странами, расположенными на противоположной оконечности Евро-Азиатского континента. В конце 1940-х годов на Дальнем Востоке Соединенные Штаты предпринимали попытки формирования Тихоокеанского пакта, своего рода «азиатской НАТО», который должен был строиться по образу и подобию Североатлантического блока и выполнять аналогичные задачи [Сидоров, 2020]. Однако эти попытки оказались тщетными, и вместо многостороннего объединения в Тихоокеанском бассейне возникла целая система двусторонних альянсов во главе с Соединенными Штатами, получившая название «Сан-Францисская система».

Изначально ее ядром были двусторонние соглашения США по безопасности с Филиппинами и Японией, а также трехсторонний договор с Австралией и Новой Зеландией (АНЗЮС; Australia, New Zealand, United States — ANZUS), подписанные на полях международной конференции в Сан-Франциско в сентябре 1951 г., где был заключен мирный договор с Японией. В следующие три года Сан-Францисская система была дополнена еще двумя двусторонними пактами США — с Южной Кореей и Тайванем. Ее качественной характеристикой стало наличие безусловного лидера в лице Вашингтона, который объединял других участников, не состоявших в союзных отношениях друг с другом. Для описания сложившейся структуры стали использовать образ «колеса с втулкой и спицами» (*hub-and-spoke alliance*). США («втулка») были в нем главным элементом, посредством которого осуществлялась связь между остальными союзными государствами («спицами»). Такая «геометрия» связей «тихоокеанского кольца» оказалась достаточно устойчивой и продолжает существовать по сей день.

Разрушение установленного после окончания холодной войны однополярного мирового порядка во главе с США и возвращение к великодержавному соперничеству, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе, обусловили повышение интереса к прошлому и настоящему Сан-Францисской системы, доказавшей свою жизнеспособность [см., например: The San Francisco System..., 2015; Denmark, 2020; Tow, Anwar, 2020; Rethinking the San Francisco System..., 2022; Barbantan, 2024]. Почему Соединенные Штаты, создававшие во всех других регионах мира многосторонние альянсы, в Восточной Азии предпочли заключать двусторонние договоры? Конструктивисты, например, говорят об отсутствии коллективной идентичности

между США и их азиатскими союзниками [Hemmer, Katzenstein, 2002], о чувствительности последних к любым проявлениям посягательства крупных держав на их вновь обретенный суверенитет [Acharya, 2009], а также об «исторической памяти», хранящей воспоминания о зверствах японской военщины до и во время Второй мировой войны [Shin, Sneider, 2016]. Реалисты фокусируют внимание на материальной стороне вопроса, считая, что Вашингтон предпочел двусторонний подход многостороннему, стремясь при меньших затратах добиться большего влияния на своих не вполне «адекватных» союзников [Press-Barnathan, 2003; Cha, 2016]. В данной статье предпринята попытка выяснить мотивы, которыми руководствовались создававшие Сан-Францисскую систему Соединенные Штаты, а также рассмотреть методы, использованные для достижения своих целей администрациями Гарри Трумэна и Дуайта Эйзенхауэра.

Администрация Г. Трумэна и Тихоокеанский пакт

Холодная война изначально была европейским феноменом, хотя организующий принцип биполярности, который олицетворяли отношения США и СССР в Европе, оказывал заметное влияние на формирование послевоенного устройства и в других регионах мира, включая Восточную Азию. Однако в силу своей удаленности и неопределенности перспектив развития она тогда не представляла для Вашингтона и Москвы большого интереса ни с экономической, ни с военной точки зрения. Хотя нарастание противоречий между двумя сверхдержавами, конечно, затрудняло работу межсоюзнических органов, таких как Дальневосточная комиссия и Союзный совет для Японии, они вплоть до конца 1940-х годов демонстрировали явное нежелание вступать друг с другом в военно-политическую конфронтацию в регионе. Изначально обе державы не хотели восстановления сильной Японии, которой американцы управляли единолично, в отличие от поделенной на зоны и ставшей «яблоком раздора» между бывшими союзниками Германии. США и СССР де-факто признали разделение на два государства Кореи и относительно легко осуществили вывод своих войск с ее территории [см. подробнее: Тихомиров, 1998]. Они не были заинтересованы в возобновлении «замороженной» ради борьбы с японскими оккупантами гражданской войны в Китае, с новой силой вспыхнувшей в 1946 г. Обе державы придерживались в целом негативной позиции по вопросу сохранения колониальных империй и фактически дис-

танцировались от постколониальных конфликтов в Юго-Восточной Азии во второй половине 1940-х годов.

Учитывая расстановку сил на дальневосточном театре, вашингтонские стратеги не считали нужным формировать здесь мощный противовес СССР, ожидая исхода гражданской войны в Китае. Несмотря на попытки отдельных политических деятелей, например австралийского министра иностранных дел Герберта В. Эватта, создать структуры по обеспечению безопасности в Тихоокеанском бассейне [см. подробнее: Barclay, 1977], администрация Г. Трумэна не желала нарушать сложившийся баланс сил и намеревалась обеспечить стабильность в регионе посредством механизмов ООН [цит. по: Thompson, 2017: 2]. 25 апреля 1946 г. исполнявший обязанности госсекретаря США Дин Ачесон сообщил американскому послу в Лондоне, что Госдепартамент считает «преждевременным» и «нецелесообразным» создание региональной оборонительной структуры¹. Аналогичного мнения придерживались и военные, полагавшие, что «завоевание Советским Союзом <...> Азии даст ему мало военных преимуществ и существенно не увеличит его общий военный потенциал» [цит. по: Gaddis, 1987: 78].

Поскольку основным средством проецирования американской мощи в Восточной Азии служили военно-морские и военно-воздушные силы, ключевым условием закрепления там США и недопущения появления нового гегемона было установление полного контроля над островными и прибрежными территориями. К такому выводу еще летом 1945 г. пришли эксперты Объединенного комитета военного планирования, предлагавшие создать барьер из военных баз, размещенных на островах вдоль азиатского побережья Тихого океана [цит. по: McIntyre, 1995: 91–96]. В конце 1940-х годов эта идея оформилась в концепцию «тихоокеанского оборонительного периметра», суть которой состояла в том, что США следует размещать вооруженные силы не на материке, а на островах от Японии до Филиппин, опираясь на свою авиацию и флот [цит. по: Gaddis, 1987: 74].

При таком подходе неудивительно, что Государственный департамент последовательно отклонял любые попытки азиатских поли-

¹ The Acting Secretary of State to the Ambassador in the United Kingdom (Harriman), Washington, April 27, 1946 // Foreign relations of the United States, 1946. Vol. 5: The British Commonwealth, Western and Central Europe. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1969. P. 34. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/BJWNOR72HB7DK8T/E/file-fbf0a.pdf?dl> (accessed: 05.03.2025).

тиков и дипломатов обсудить вопрос о заключении регионального оборонительного пакта с участием США. Американцы отвергли инициативу образования «могущественной постоянной организации азиатских стран для охраны Дальнего Востока от коммунизма или другой иностранной идеологии»², выдвинутую филиппинским послом в ООН Карлосом Ромуло на проходившей в январе 1949 г. в Дели конференции государств Азии и Ближнего Востока. 20 марта 1949 г., т.е. через два дня после публикации проекта договора о создании НАТО, президент Филиппин Эльпидио Кирино в интервью для прессы вновь озвучил идею образования Тихоокеанского пакта и через поверенного в делах США в Маниле Томаса Локетта обратился к Вашингтону с просьбой ее поддержать³.

Администрация Г. Трумэна оказалась в очень непростой ситуации. Долгое время Филиппины были, по сути, колонией США и даже после обретения в июле 1946 г. суверенитета продолжали зависеть от Вашингтона. 14 марта 1947 г. между странами был подписан договор о размещении на филиппинской территории американских военных баз, который стал первым военным соглашением США в Азии⁴. Однако внутривосточная обстановка на Филиппинах оставалась крайне сложной: на фоне хозяйственной разрухи и падения уровня жизни страну захлестнула волна стачек и крестьянских волнений. Э. Кирино, занявший президентский пост в апреле 1948 г. после смерти своего предшественника, силой подавлял народные выступления [см. подробнее: Левтонова, 1979: 155–157]. Выдвигая идею пакта, он, по мнению американских дипломатов в Маниле, хотел добиться увеличения военной помощи США в преддверии

² Asians urged to form bloc against aggression // *The Argus*. January 21, 1949. No. 31. P. 1. Available at: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/page/1717692> (accessed: 05.03.2025). Участниками конференции были Афганистан, Австралия, Бирма, Цейлон, Египет, Эфиопия, Индия, Ирак, Иран, Ливан, Пакистан, Филиппины, Саудовская Аравия, Сирия, Йемен и в качестве наблюдателей — Непал, Новая Зеландия, Таиланд и Тайвань.

³ The Chargé in the Philippines (Lockett) to the Secretary of State, Manila, March 22, 1949 // *Foreign relations of the United States, 1949*. Vol. 7: The Far East and Australasia. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1976. P. 1125. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/NBQI2WRWVSMCS8F/E/file-b0acd.pdf?dl=accessed: 05.03.2025>.

⁴ Agreement Concerning Military Bases, Manila, March 14, 1947 // U.S. Naval War College Digital Commons. Available at: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2158&context=ils> (accessed: 05.03.2025).

намеченных на осень 1949 г. президентских выборов и отвлечь внимание избирателей от коррупции в своем кабинете. В итоге 16 апреля 1948 г. Госдепартамент поручил американскому послу уведомить филиппинского лидера, чтобы тот не питал иллюзий относительно поддержки его идеи Вашингтоном⁵.

Отвергая пакт, США учитывали позицию других азиатских стран, многие из которых без энтузиазма встретили филиппинскую инициативу и желали получить от Америки прежде всего экономическую, а не военную помощь. Из азиатских лидеров эта идея заинтересовала только президента вновь образованной Республики Корея Ли Сын Мана и главу правительства Китайской Республики Чан Кайши, которые увидели в ней инструмент для решения собственных проблем. В Вашингтоне прекрасно понимали их истинные намерения, поэтому 20 июля 1949 г. Д. Ачесон отправил в дипмиссии США на Дальнем Востоке специальную телеграмму, в которой отмечалось, что «департамент рассматривает предложение Чан Кайши — Кирино о Тихоокеанском союзе прежде всего как инициативу Чана и Ли [Сын Мана], направленную на поиск дополнительных средств для обращения за американской военной помощью и влияния с этой целью на американское общественное мнение»⁶. Удовлетворять амбиции этих двух азиатских лидеров в Госдепартаменте не собирались. Точка в дискуссиях о Тихоокеанском пакте была поставлена 12 января 1950 г., когда в своем выступлении в Национальном пресс-клубе в Вашингтоне Д. Ачесон публично и четко обозначил границы «тихоокеанского оборонительного периметра», оставив вне его пределов Южную Корею и Тайвань⁷.

Однако во второй половине 1949 — начале 1950 г. в регионе произошли события, которые вынудили США скорректировать свое отношение к военным альянсам на Дальнем Востоке. В августе 1949 г. СССР впервые провел испытание атомной бомбы. Война за независимость в Индонезии завершилась поражением голландских колонизаторов. Успехи национально-освободительных сил во Вьетнаме поставили в тяжелое положение французский экспе-

⁵ Ibid. P. 1142.

⁶ Ibid. P. 1170.

⁷ Crisis in Asia — An examination of U.S. policy: Remarks by Secretary Acheson // The Department of State Bulletin. January 23, 1950. Vol. XXII. No. 551. P. 111–119. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=msu.31293000897037&seq=111> (accessed: 05.03.2025).

диционный корпус, воевавший за сохранение владений Франции в Индокитае. Но самым тревожным сигналом для США стала победа коммунистов в гражданской войне в Китае, в результате которой 1 октября 1949 г. официально было объявлено создание Китайской Народной Республики (КНР). Соединенные Штаты попытались организовать дипломатическую кампанию по непризнанию «коммунистического Китая», но оказались в меньшинстве. Даже их верный союзник Великобритания 6 января 1950 г. де-юре признала КНР [цит. по: Tang, 1967: 371], а заключение 14 февраля 1950 г. советско-китайского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, подтвердившего выбор внешнеполитической ориентации КНР, окончательно расставило всё по своим местам. Выход на мировую арену союзной с СССР державы с населением, составлявшим около четверти жителей планеты, кардинально изменил ситуацию как в регионе, так и в мире в целом.

Под влиянием событий в Китае в США ускорился процесс пересмотра американской политики на дальневосточном направлении. Если прежде она формировалась на двусторонней основе с каждой страной в отдельности, то с конца 1949 г. Восточную Азию и Тихий океан в Вашингтоне начали рассматривать как единый регион, и проводимая там политика обрела комплексный характер. Новый подход нашел отражение в секретных директивах Совета национальной безопасности (СНБ) — СНБ-48/1 и СНБ-48/2, утвержденных президентом Г. Трумэном 23 и 29 декабря 1949 г. соответственно. Главной целью американской политики на Дальнем Востоке отныне стало предотвращение распространения «влияния коммунистов» на восток от азиатского материка. Для ее достижения правительству США рекомендовалось поддерживать «оборонительный периметр», использовать любые меры для усиления «разногласий между китайскими коммунистами и СССР», обеспечивать безопасность Японии и оказывать военную помощь Южной Корее и Тайваню⁸. Окончательно распространение принципа сдерживания на Дальний Восток подтвердила появившаяся в апреле 1950 г. директива СНБ-68⁹.

⁸ Memorandum by the Executive Secretary of the National Security Council (Souers) to the National Security Council. Annex: A report to the President by the National Security Council (NSC 48/2), Washington, December 30, 1949 // Foreign relations of the United States, 1949. Vol. 7: The Far East and Australasia... P. 1215–1220.

⁹ NSC-68: A report to the National Security Council by the Executive Secretary on United States objectives and programs for national security, April 14, 1950 // Naval War

Потеря Китая заставила американское руководство в ином свете посмотреть на Японию. Она, по словам главы Отдела планирования внешней политики Госдепартамента и идейного вдохновителя стратегии сдерживания Джорджа Кеннана, должна была стать «ключом к Азии» — так же, как Германия была «ключом к Европе», и цель состояла в том, чтобы «завоевать ее как союзника»¹⁰. Еще в декабре 1948 г. штаб американских оккупационных войск получил указание Белого дома срочно начать реализацию плана экономической стабилизации страны. Японии выделялась солидная финансовая помощь, был аннулирован «промежуточный план» взимания с нее репараций, пересмотрен антимонопольный закон, распущена комиссия по декартелизации и т.д. Поворот в экономической политике оккупационной администрации, творцами которого считались банкир Дж. Додж и экономист К. Шоуп, получил название «обратный курс» [подробнее см.: Nester, 1996].

Аналогичный пересмотр произошел и в военно-политической сфере. В подготовленном Объединенным комитетом начальников штабов (ОКНШ) в июне 1949 г. меморандуме СНБ-49 отмечалось, что Япония имеет «большое стратегическое значение для [обеспечения] интересов безопасности Соединенных Штатов на Дальнем Востоке <...> вследствие [ее] географического положения», «рабочей силы и <...> промышленного потенциала»¹¹. В документе также было указано, что «при запланированной первоначальной помощи США [можно] ожидать, что Япония по крайней мере защитит себя и <...> внесет крупный вклад <...> в военные операции против Советов в Азии»¹². Фактически Вашингтон рассматривал возможность заключения двустороннего соглашения о безопасности с Токио еще до начала Корейской войны¹³. Однако «возвращение Японии в со-

College Review. 1975. Vol. 28. No. 3. P. 51–108. Available at: <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol28/iss3/7> (accessed: 05.03.2025).

¹⁰ Kennan G.F. *Memoirs, 1950–1963*. Boston: Little, Brown and Company, 1972. P. 41.

¹¹ Report by the Joint Chiefs of Staff, Washington, June 9, 1949 // *Foreign relations of the United States, 1949*. Vol. 7: The Far East and Australasia... P. 774–775.

¹² Ibid. P. 774.

¹³ Проанализировав архивные документы США, японский исследователь Аяко Кусуноки утверждал, что и Пентагон, и Госдепартамент рассматривали необходимость договоренностей о безопасности с Японией, но не могли договориться о том, как обезопасить американские базы после того, как Япония восстановит свой суверенитет. Kusunoki A. *Yoshida Shigeru to Anzenhoshō Seisaku no Keisei*. Kyoto: Minerva, 2009, P. 92–96, 99–102. (In Japan.)

дружество наций» и превращение ее в союзника были возможны лишь при достижении взаимопонимания со странами, которые в годы войны пострадали от японского милитаризма и крайне настороженно относились к идее восстановления ее мощи.

В начале 1950 г. в Госдепартаменте была сформирована рабочая группа во главе с помощником госсекретаря Джоном Говардом, которая должна была выработать рекомендации по созданию региональной системы безопасности с участием Японии. «Такой подход, — писал Дж. Говард, — впервые открыл перспективы для Тихоокеанского пакта, который ранее рассматривался как противоречивший американской политике. Типом пакта, который обладал наибольшей привлекательностью, был “офшорный” Тихоокеанский пакт, который не возлагал бы на США военные обязательства в отношении азиатского материка»¹⁴. Группа подготовила проект объединения, в общих чертах напоминавшего НАТО, включая принцип коллективной обороны, согласно которому нападение на одного участника автоматически считалось нападением на всех. Членами пакта должны были стать США, Канада, Япония, Филиппины, Австралия и Новая Зеландия. Однако эта идея не нашла понимания у руководства дипломатического ведомства США.

Одним из ее критиков был видный государственный деятель, главный внешнеполитический эксперт Республиканской партии Джон Фостер Даллес, 6 апреля 1950 г. назначенный «двухпартийным» советником Госдепартаamenta по вопросам мирного урегулирования с Японией. Он не был противником региональных объединений, в том числе военных, но предлагал не спешить с их созданием, изложив свои взгляды в вышедшей весной 1950 г. книге «Война или мир»¹⁵. Применительно к Дальнему Востоку автор выступал за образование «ассоциации свободных наций Азии и Тихого океана», которая «не была бы, по крайней мере на начальном этапе, военным альянсом», подобным НАТО¹⁶. На встрече с Дж. Говардом 7 апреля

¹⁴ Memorandum by the Special Assistant to the Secretary (Howard) to the Minister in France (Bohlen), Washington, March 31, 1950 // Foreign relations of the United States, 1950. Vol. 6: East Asia and the Pacific. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1976. P. 1159. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/715THJONIBE4A83/E/file-56c13.pdf?dl> (accessed: 05.03.2025).

¹⁵ См. подробнее: Dulles J.F. War or peace. New York: The Macmillan Company, 1950. P. 88–99.

¹⁶ Ibid. P. 229–230.

Дж.Ф. Даллес отклонил проект Тихоокеанского пакта, сославшись на трудности, которые создадут включение в него одних стран и отказ в этом другим, а также на угрозу вовлечения США в войну, если СССР нападет на одного из членов альянса. Исходя из опыта ратификации Договора о НАТО, Дж.Ф. Даллес сомневался, что Сенат США будет готов предложить бывшему противнику США Японии участие в пакте на основе принципа «один за всех и все за одного», тогда как многие американские союзники не имели таких гарантий¹⁷.

Пересмотр Вашингтоном позиции в отношении союзов на Дальнем Востоке в контексте Корейской войны

Вспыхнувшая в конце июня 1950 г. война на разделенном Корейском полуострове стала «точкой невозврата» в переходе к биполярной конфронтации в Азии. Она ускорила поляризацию сил на Дальнем Востоке, и США всё более стали склоняться к решению проблемы регионального устройства без участия СССР и Китая. Важнейшей задачей было создание структуры, способной обеспечить безопасность на Тихом океане, поэтому в Вашингтоне и в азиатских столицах вновь пробудился интерес к Тихоокеанскому пакту. Многие политические деятели, включая Дж.Ф. Даллеса, утверждали, что нападение КНДР на Южную Корею продемонстрировало «истинную природу коммунистической угрозы», вследствие чего необходимость заключения многостороннего договора для обеспечения безопасности стала очевидной. Пакт, по мнению Дж.Ф. Даллеса, должен был облегчить решение японского вопроса, поскольку тихоокеанские союзники «смогут убедиться, что перевооружение Японии не выйдет из-под контроля и не станет угрозой» [цит. по: Schonberger, 1989: 260].

Несмотря на рост интереса к многостороннему формату с участием Токио, Вашингтон не исключал возможности подписания с ним двустороннего соглашения, опираясь на которое, США могли бы использовать территорию Японии в качестве базы для проведения операций во всем регионе. Отправляя в конце января 1951 г. Дж.Ф. Даллеса в качестве своего посланника на Дальний Восток, Г. Трумэн поручил ему обсудить данный вопрос с японцами. Идею пакта президент предлагал использовать для убеждения других

¹⁷ Memorandum of conversation, by the Special Assistant to the Secretary (Howard), New York, April 7, 1950 // Foreign relations of the United States, 1950. Vol. 6: East Asia and the Pacific... P. 1162, 1164.

государств в необходимости включения Японии в региональные структуры, подчеркнув, однако, что многосторонний договор не является *quid pro quo* американо-японского сотрудничества¹⁸. Главной целью азиатского вояжа Дж.Ф. Даллеса было создание благоприятных международных условий для заключения мирного договора с Токио. Показательно, что, когда на закрытом совещании членов делегации его помощник Джон Эллисон спросил о пределах информирования японцев о предполагаемом Тихоокеанском пакте, Дж.Ф. Даллес ответил: «...мы бы не хотели болтать с ними о пакте, поскольку пока еще не знаем, будет ли реализовываться эта идея»¹⁹.

В ходе своей поездки Дж.Ф. Даллес согласовал условия мирного договора с главой японского правительства Сигэру Ёсида, стремившегося к более тесным связям с США и умело подводившего американцев к мысли о необходимости вступить в союзные отношения с Японией и вкладывать средства в обеспечение ее безопасности [цит. по: Уткин, 1990: 129]. В беседе с премьер-министром Дж.Ф. Даллес заявил, что ввиду слабости Японии о «взаимных гарантиях безопасности» речи не идет. К идее же заключения многостороннего соглашения японская сторона отнеслась отрицательно, опасаясь быть вовлеченной в борьбу против КНР, например, в Индокитае или Корее [цит. по: Welfield, 1988: 51]. В конечном счете договорились, что в случае нарастания «коммунистической угрозы» Япония обратится с просьбой об оставлении американских вооруженных сил на своей территории, а США благожелательно ответят на нее, что и было оформлено соответствующим соглашением 9 февраля 1951 г.²⁰

Покинув Токио, Дж.Ф. Даллес посетил Филиппины, Австралию и Новую Зеландию с целью получить их согласие с американскими условиями мира с Японией. В Маниле он легко добился желаемого, но в Канберре, где в середине февраля прошли трехсторонние

¹⁸ Memorandum by Mr. John Foster Dulles, the Consultant to the Secretary, to the Ambassador at Large (Jessup), Washington, January 4, 1951 // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 6: East Asia and the Pacific. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1977. P. 134–135. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/KGXUB34WDRDHQ8L/E/file-382ee.pdf?dl> (accessed: 05.03.2025).

¹⁹ Memorandum by Mr. Robert A. Fearey of the Office of Northeast Asian Affairs, February 5, 1951 // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 6: East Asia and the Pacific... P. 858.

²⁰ Administrative Agreement between the United States of America and Japan to Implement the Provisions of the Agreement They Have Entered into for Collective Defense // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 6: Asia and the Pacific... P. 876–879.

американо-австрало-новозеландские переговоры, ситуация оказалась совершенно иной. Австралийское и новозеландское правительства были тогда наиболее жесткими оппонентами «мягкого» договора с Японией. Они опасались, что в случае реализации идеи многостороннего пакта будет «размыта» ответственность США за ремилитаризацию Страны восходящего солнца²¹. Только после обещания Вашингтона оказать им поддержку при возможном нападении Японии их возражения, как следовало из опубликованного 18 февраля 1951 г. коммюнике²², были сняты. Не радовала Австралию и Новую Зеландию и перспектива союза со слабыми в военном отношении Филиппинами. Предпочтительным вариантом для них был бы трехсторонний договор с США, возможность заключения которого обсуждалась еще в октябре 1950 г. [см. подробнее: Robb, Gill, 2015: 139–140].

Самым жестким противником пакта оказалась Великобритания, участие которой в нем изначально вообще не предусматривалось. Как полагали в Госдепартаменте, ее включение в азиатскую региональную структуру приведет к тому, что о стремлении к членству заявят также Франция и Нидерланды, в результате чего она окажется слишком «колониальной». Однако британское правительство не хотело ничего слышать об организации, которая оставляла бы Англию за бортом²³. В конечном счете Лондон согласился на трехсторонний формат с участием США, Австралии и Новой Зеландии [см. подробнее: Ovendale, 1985: 232–233]. Вместе с тем трудности, возникшие при обсуждении пакта, привели к тому, что интерес к нему американской стороны заметно остыл. По мнению Дж.Ф. Даллеса, основу системы безопасности на Дальнем Востоке должен был составлять именно американо-японский тандем. В одной из записок в марте 1951 г. он писал: «Соединенные Штаты и Япония являются единственными

²¹ Memorandum by Mr. Robert A. Fearey of the Office of Northeast Asian Affairs, Canberra, February 17, 1951 // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 6: East Asia and the Pacific... P. 170–171.

²² Conference on the Japanese Peace Treaty and Security in the Pacific: Joint communique by the representatives of the United States of America, Australia and New Zealand at Canberra, February 18, 1951 // Current Notes on International Affairs. February 1951. Vol. 22. No. 2. P. 106. Available at: <https://nla.gov.au/nla.obj-1193023835/view?partId=nla.obj-1193060996#page/n0/mode/1up> (accessed: 05.03.2025).

²³ The United States Political Adviser to SCAP (Sebald) to the Secretary of State, Tokyo, February 2, 1951 // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 6: East Asia and the Pacific... P. 144.

весомыми центрами силы на Тихом океане, мы фактически, а они потенциально. Если мы сможем наладить совместную работу, менее крупные тихоокеанские державы обретут безопасность и рано или поздно, формально или неформально, одобряют это соглашение. Если Соединенные Штаты и Япония разойдутся, то ситуация в западной части Тихого океана будет тяжелой в течение долгого времени»²⁴.

Сознавая невозможность создания на данном этапе многостороннего пакта, Дж.Ф. Даллес в ходе февральской встречи с министрами иностранных дел Австралии и Новой Зеландии для описания вероятной архитектуры безопасности в Азии впервые использовал ставшее впоследствии очень популярным ее образное сравнение с «втулкой и спицами» [цит. по: Mabon, 1988: 164]. По возвращении в Америку он сообщил о своих выводах главам внешнеполитического и оборонного ведомств, которые в меморандуме Г. Трумэну указывали: «Рассмотрение этого вопроса [Тихоокеанского пакта], особенно в ходе визитов посла Даллеса в Японию, на Филиппины, в Австралию и Новую Зеландию, показало, что желаемые результаты скорее могут быть достигнуты серией договоренностей, а не единым соглашением»²⁵. Таким образом, судьба Тихоокеанского пакта, возглавляемого США и построенного по образу и подобию Североатлантического альянса, была предreshена. Его место заняла система двусторонних соглашений и «малых договоров» о безопасности, ни один из которых не мог сравниться с НАТО ни по числу участников, ни по серьезности принятых ими на себя обязательств.

Ключевое значение для реализации этих планов имело урегулирование с Японией, которое было невозможно без достижения понимания с некоммунистическими государствами региона, пострадавшими от японской агрессии в годы войны. Конференция по заключению мирного договора с Токио была назначена на сентябрь 1951 г. Перед американской дипломатией стояла двуединая задача: подготовить проекты договора с Японией и фактически антияпонские соглашения с Австралией, Новой Зеландией и Филиппинами. Решить ее, тем более в столь короткие сроки, было непростым делом. Канберра и Веллингтон настаивали на максимально жестком вари-

²⁴ Mr. John Foster Dulles, the Consultant to the Secretary, to the Supreme Commander for Allied Powers (MacArthur), March 18, 1951 // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 6: East Asia and the Pacific... P. 931.

²⁵ The Secretary of State to the Secretary of Defense (Marshall), April 5, 1951 // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 6: East Asia and the Pacific... P. 184–185.

анте мирного соглашения с Японией, тогда как Вашингтон устами Дж.Ф. Даллеса призывал их заключить «договор, который вызвал бы к духу прощения, чтобы преодолеть дух мстительности» [Robb, Gill, 2015: 128].

На трехсторонних переговорах во время визита Дж.Ф. Даллеса в Австралию в феврале 1951 г. министр иностранных дел Новой Зеландии Фредерик Дойдж заявил ему, что «Японии была кошмаром для Новой Зеландии и возможность ее возрождения рассматривалась с ужасом»²⁶. Его австралийский коллега Перси Спендер откровенно сказал, что «Австралия по-прежнему боится Японии»²⁷. Дж.Ф. Даллес попытался успокоить собеседников, подчеркнув, что военное присутствие США исключает возможность возвращения Токио к прежней политике, тогда как ограничения в плане перевооружения страны ослабят коллективные усилия по недопущению распространения коммунизма. По его словам, для эффективной борьбы с «коммунистической агрессией» в Восточной Азии необходимо скорейшее заключение мирного договора с Японией, который позволит ей занять место в сообществе стран «свободного мира»²⁸, а безопасность Австралии и Новой Зеландии будет обеспечена соответствующими соглашениями с США. Правда, австралийцы хотели получить обязывающий пакт по типу НАТО, а новозеландцы были согласны на президентскую декларацию, выражавшую готовность Вашингтона защищать их в случае нападения. Член австралийской делегации Ральф Гарри подготовил первый вариант текста, который с последующей серьезной корректировкой, учитывавшей пожелания Дж.Ф. Даллеса, был представлен правительствам для дальнейшей доработки [Watt, 1967: 181–182].

Однако даже после того, как текст будущего договора был в общих чертах согласован, оставались две проблемы, которые угрожали сорвать весь проект. Первой была позиция Великобритании: ее руководство считало, что договор с США двух членов ее Содружества подчеркнет ее неспособность обеспечить их безопасность. В Лондоне были возмущены исключением страны из переговоров.

²⁶ Notes on conversation among Ambassador Dulles, ministers for external affairs of Australia and New Zealand, and staffs, Canberra, February 17, 1951 // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 6: East Asia and the Pacific... P. 171.

²⁷ Ibid. P. 170.

²⁸ Spender P. Exercises in diplomacy: The ANZUS treaty and the Colombo Plan. Sydney: Sydney University Press, 1969. P. 114–115.

«Мы, безусловно, тихоокеанская держава, — утверждал министр иностранных дел Герберт Моррисон, — и для нас было бы желательно стать частью предлагаемого пакта» [цит. по: Robb, Gill, 2015: 144]. Как члены кабинета, так и лидеры оппозиции полагали, что ее исключение было связано с решением кабинета Клемента Эттли признать КНР в январе 1950 г. Однако этот довод выглядел неубедительно, поскольку США продолжали сотрудничать с Великобританией в сфере безопасности в Европе и в других регионах мира [см. подробнее: Xiang, 1992]. Британская дипломатия всеми силами стремилась помешать официальному оформлению договора или по крайней мере заменить его на президентскую декларацию, но ее усилия не увенчались успехом.

В самих Соединенных Штатах исключение их главного союзника по НАТО из переговоров о тихоокеанском альянсе объясняли стремлением избежать нежелательных ассоциаций со стороны государств региона, которые могли увидеть в нем «англосаксонский союз» или «клуб белых держав» [цит. по: Beisner, 2006: 502; см. подробнее: Vucetic, 2011: 54–73]. По мнению сотрудников Госдепартамента, ограниченное трехстороннее соглашение лучше отвечало интересам борьбы против СССР в сфере пропаганды, не проводило параллелей с внутренним расизмом в США и не давало пищу для его критиков потенциальными союзниками, такими как Филиппины, с которыми в тот период тоже шли переговоры о соглашении в сфере безопасности [цит. по: McMahon, 1996: 82–84]. Кроме того, в Вашингтоне не хотели создавать на Тихом океане военно-политический союз типа НАТО, поскольку это неизбежно повлекло бы за собой крупные финансовые и материальные затраты [см. подробнее: Zelizer, 2010: 126–134]. Еще одним аргументом противников британского участия было то, что Лондон уже вел борьбу против повстанцев в Малайе. В правящих кругах США опасались, что это могло побудить другие европейские державы под видом борьбы с коммунизмом добиваться американского содействия для защиты своих колониальных владений в данном регионе [см. подробнее: Prados, 2009: 24–54].

Второй принципиальной угрозой трехстороннему пакту была позиция американского военного истеблишмента. Министерство обороны США выступало против привлечения будущих союзников к стратегическому планированию и консультированию с ними по поводу конкретных действий, на чем настаивала австралийская

сторона. На совместном заседании Госдепартамента и ОКНШ 11 апреля 1951 г. руководитель военно-морских операций Форрест Шерман указал на «ценность неформальности в налаживании совместного планирования» и отметил, что он предпочитает «оставить такие договоренности вне соглашения» [цит. по: Kelly, 2018: 88]. Дипломаты приняли во внимание мнение военного руководства и позаботились о том, чтобы в тексте договора не было и намек на совместное военное планирование. «В случае трехстороннего соглашения с Австралией и Новой Зеландией, — заявил Дж.Ф. Даллес в разговоре с Д. Ачесоном, — мы можем, я думаю, дать понять, что в соответствии с ним никакая организация не получит права требовать информации и участия в планировании»²⁹. ОКНШ согласился с подобной формулировкой, прекрасно понимая, что заключение пакта является необходимым условием для получения одобрения Австралией и Новой Зеландией мирного договора с Японией³⁰.

Сан-Францисский дебют: заключение АНЗЮС и двусторонних договоров с Японией и Филиппинами

Первый осенний день 1951 г. был ознаменован подписанием в Сан-Франциско Тихоокеанского пакта безопасности между Австралией, Новой Зеландией и США, оформившего военный союз трех государств и получившего по первым буквам стран-подписантов название АНЗЮС. Договор, состоявший всего из 11 статей, был довольно компактным по форме и весьма расплывчатым по содержанию. В отличие от НАТО с ее принципом «один за всех и все за одного», каждая страна — участница АНЗЮС признавала лишь, что «вооруженное нападение на одну из сторон в зоне Тихого океана представляло бы угрозу для ее собственного мира и безопасности»³¹. В случае возникновения такой угрозы договор предусматривал консультации

²⁹ Memorandum by the Consultant to the Secretary (Dulles) to the Secretary of State, April 13, 1951 // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 6: East Asia and the Pacific... P. 203.

³⁰ Memorandum for the Secretary of Defense, Washington, April 17, 1951 // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 6: East Asia and the Pacific... P. 992.

³¹ Australia, New Zealand and United States of America: Security treaty, signed at San Francisco, September 1, 1951 // Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations. Vol. 131. No. 1736. P. 86. Available at: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20131/v131.pdf> (accessed: 05.03.2025).

трех стран (ст. 3) и обязывал их «действовать с тем, чтобы противостоять общей опасности в соответствии с конституционными процедурами каждой стороны» (ст. 4). Действие его распространялось не только на национальную территорию, но также на вооруженные силы, морские и воздушные суда стран-участниц (ст. 5), а значит, включало и американские войска, дислоцированные в Японии, на Филиппинах и в других местах бассейна Тихого океана.

Фактически договор связывал Австралию и Новую Зеландию обязательством как минимум оказывать поддержку США в случае конфликта в регионе, тогда как американская сторона просто давала гарантию обсудить конкретные формы военного сотрудничества при возникновении опасности. В тексте не содержалось прямого указания на Японию как на возможный источник такой угрозы, но Канберра и Веллингтон были убеждены, что АНЗЮС обеспечит им гарантии безопасности именно против нее, и только поэтому согласились поддержать Вашингтон в вопросе мирного урегулирования с Токио.

По условиям договора учреждался Совет Тихоокеанского пакта, состоявший из министров иностранных дел стран-участниц. АНЗЮС стал образцом для всех последующих военно-политических договоров Соединенных Штатов в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе.

Накануне его подписания, 30 августа 1951 г., в Вашингтоне был заключен американо-филиппинский Договор о взаимной безопасности (US-Philippine Mutual Security Treaty), который был идентичен тройственному соглашению и составил единую договорную базу вместе с Договором об основах отношений между двумя странами от 4 июля 1946 г.³² Соглашение с Филиппинами утверждало право США использовать базы на территории партнера «в интересах взаимной защиты» (ст. 1). По сути, трехсторонний Тихоокеанский пакт безопасности и двусторонний американо-филиппинский договор были «гарантийными», т.е. обеспечивавшими их участникам получение американской помощи в случае новой японской агрессии.

³² United States of America and Philippines: Mutual defense treaty, signed at Washington, August 30, 1951 // Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations. Vol. 131. No. 2315. P. 134–138. Available at: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20177/volume-177-I-2315-English.pdf> (accessed: 05.03.2025).

сии. В совокупности они стали первыми звеньями разветвленной системы военно-политических союзов США на Дальнем Востоке.

Ключевым ее элементом выступал двусторонний американо-японский Договор безопасности, подписанный 8 сентября 1951 г., через пять часов после окончания Сан-Францисской международной конференции, где был заключен мирный договор с Японией³³. Если считать с сентября 1947 г., когда японский министр иностранных дел Асида Хитоси передал американской стороне меморандум, в котором Токио впервые изъявил желание установить союзнические отношения с США, то на подготовку этого документа ушло долгих четыре года [Izumikawa, 2020: 22]. Помимо создания благоприятной международной атмосферы для заключения мира с бывшим противником и включения его в региональную политическую и экономическую систему администрации Г. Трумэна пришлось преодолеть немало трудностей внутри самих США. Одним из самых чувствительных был вопрос о сохранении американских военных баз в Японии после окончания периода оккупации. Вашингтон опасался, что, обретя суверенитет, японское правительство потребует их вывода со своей территории. Добиваясь заключения союза с США, премьер-министр С. Ёсида заверял, что его кабинет не только не будет возражать против размещения американских баз на японской земле, но даже готов просить Вашингтон об их сохранении. Подобное решение вопроса о базах сняло все возражения Пентагона против окончания оккупации Японии [см. подробнее: Вербицкий, 1972].

Договор безопасности между США и Японией был еще более лаконичен, чем Тихоокеанский пакт, — всего 5 статей³⁴. В преамбуле отмечалось: поскольку после вступления в силу мирного договора «Япония не располагает эффективными средствами для осуществления своего неотъемлемого права на самооборону, так как она была разоружена», она желает, чтобы Соединенные Штаты «содержали свои вооруженные силы в Японии и вблизи нее для предотвращения вооруженного нападения на Японию». Тем самым японские острова становились одним из звеньев американского «периметра сдер-

³³ О перипетиях подготовки и проведения конференции в Сан-Франциско см.: История дипломатии: В 5 т. Т. 5. Кн. 1 / Под ред. В.С. Семёнова, М.А. Харламова. М.: Политиздат, 1974. С. 304–319.

³⁴ Security Treaty between the United States and Japan, September 8, 1951 // American foreign policy, 1950–1955: Basic documents. Vol. 1. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1957. P. 885–886.

живания». Равноправным данный договор, конечно, назвать было нельзя, поскольку он ограничивал суверенитет Японии, запрещая ей заключать любые военные соглашения с другими государствами без предварительного согласия Вашингтона. Более того, он допускал возможность вмешательства США во внутренние дела страны благодаря наличию в тексте пункта о помощи, «предоставляемой по просьбе японского правительства, для подавления крупных бунтов, беспорядков в Японии». Таким образом, договор преследовал сразу две цели: служил инструментом в борьбе с коммунизмом и позволял держать под контролем бывшего противника [Cha, 2010: 185].

На основании ст. 3 Договора безопасности Вашингтон и Токио в феврале 1952 г. подписали Административное соглашение, в соответствии с которым США не только сохраняли все свои базы и другие военные объекты в Японии, но и могли получить «дополнительные средства обслуживания и территории» (ст. 2)³⁵. Согласно ст. 9 Административного соглашения «личный состав вооруженных сил Соединенных Штатов, вольнонаемные служащие и их иждивенцы будут изъяты из-под действия японских законов и постановлений о регистрации и контроле над иностранцами», а ст. 17 фактически устанавливала право экстерриториальности для американских военнослужащих, проступки которых могли разбирать только военные суды и власти США. Все три документа — мирный договор, Договор безопасности и Административное соглашение — вступили в силу 28 апреля 1952 г. Тогда же администрация Г. Трумэна в одностороннем порядке объявила о роспуске Союзного совета для Японии и Дальневосточной комиссии. Оккупационный режим в стране формально был прекращен, хотя на деле мало что изменилось.

Позднее в развитие военного союза двух стран 8 марта 1954 г. США и Япония заключили Договор о помощи в обеспечении взаимной обороны. Согласно этому документу японское правительство взяло на себя обязательство принимать «меры, которые могут оказаться необходимыми для развития своей обороноспособности, и <...> соответствующие шаги для обеспечения эффективного использования любой помощи, предоставленной правительством Соединенных

³⁵ Administrative Agreement under Article III of the Security Treaty between the United States of America and Japan // United States treaties and other international agreements. Vol. 3. Part 3. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1952. P. 3341–3362.

Штатов Америки» (ст. 8)³⁶. В целях дальнейшего укрепления военно-политических связей с Японией 19 января 1960 г. в Вашингтоне был подписан новый Договор о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности, который по сей день составляет договорно-правовую базу союза двух стран³⁷. В совокупности заключенные в Сан-Франциско договоры способствовали структурированию отношений США с государствами Восточной Азии и бассейна Тихого океана, а созданный ими региональный порядок получил название «Сан-Францисский».

Создание американо-южнокорейского альянса

Пришедшая в январе 1953 г. к власти республиканская администрация Д. Эйзенхауэра подтвердила приверженность США заключенным союзам. Пост госсекретаря занял Дж.Ф. Даллес, которого президент считал «очевидной» кандидатурой, учитывая его опыт в международных делах³⁸. Корейская война убедила его в том, что мир перестал зависеть от стабильности в Европе, поскольку СССР распространил свое влияние далеко за пределами своей территории, поэтому борьбу с ним следует вести в масштабах всего Евро-Азиатского континента. Обогатив американскую политическую мысль доктриной «отбрасывания коммунизма», команда Д. Эйзенхауэра планировала окружить СССР по периметру внешних границ сфер его влияния, а затем заставить Москву отступить. Важная роль в реализации этого плана, судя по появившемуся в октябре 1953 г. докладу СНБ 162/2, отводилась сети оборонных пактов с союзными государствами, с которыми предполагалось разделить бремя «сдерживания», чтобы избежать «новой Кореи» [Prados, 2007: 229–230].

Однако первым пунктом повестки дня новой администрации стояло прекращение затяжной и дорогостоящей Корейской войны³⁹. В конце 1952 г., еще до вступления в должность, Д. Эйзенхауэр вы-

³⁶ Mutual Defense Assistance Agreement between the United States of America and Japan, signed at Tokyo, March 8, 1954 // UN-iLibrary. Available at: <https://www.un-ilibrary.org/deliver?redirecturl=/content/books/9789210455312s003-c001/read&isPreview=true&itemId=/content/books/9789210455312s003-c001> (accessed: 05.03.2025).

³⁷ Treaty of Mutual Cooperation and Security between the United States of America and Japan, January 19, 1960 // Asia for Educators. Available at: https://afe.easia.columbia.edu/ps/japan/mutual_cooperation_treaty.pdf (accessed: 05.03.2025).

³⁸ Eisenhower D.D. Mandate for change, 1953–1956. New York: Doubleday & Company, 1963. P. 86.

³⁹ Ibid. P. 171.

полнил свое предвыборное обещание и посетил Корею, хотя ясного представления о том, как можно закончить войну, он тогда не имел. Когда США вступили в переговоры о прекращении огня с КНДР, Ли Сын Ман открыто выразил свое недовольство таким шагом и даже упрекнул американцев: «[Как] вы сможете добиться путем убеждения на политической конференции того, что вы не смогли получить силой на поле боя?»⁴⁰. Участвовавший в переговорах командующий американскими войсками в составе сил ООН в Корее генерал Марк Кларк был очень обеспокоен настроением южнокорейского лидера и жаловался в Вашингтон, что на дипломатическом поприще ему приходится бороться сразу на два фронта — с коммунистами в Пханмунджоме (деревня на границе «двух Корей», где проходили переговоры) и с Ли Сыном Маном в Сеуле, причем последний представлял «самую большую проблему» [цит. по: Park, 1975: 97]. Возникли даже опасения, что он может вывести южнокорейские войска из подчинения ООН, т.е. фактически из-под американского командования, и предпринять односторонние военные акции против Северной Кореи.

Воинственные заявления и непредсказуемые шаги склонного к авантюризму южнокорейского президента очень беспокоили американских политиков, поскольку такие действия могли торпедировать переговоры, а после подписания 27 июля 1953 г. соглашения о перемирии вызвать новый виток противостояния. В Вашингтоне рассматривали два варианта превентивных мер, которые считали вынужденными: заменить Ли Сына Мана на более лояльного лидера, т.е. организовать государственный переворот, либо предложить ему нечто в обмен на обязательство соблюдать перемирие. План устранения южнокорейского президента (под кодовым названием «Everready») разрабатывался еще при Г. Трумэне и предусматривал объявление от имени ООН военного положения в стране и арест Ли Сына Мана [см. подробнее: Садаков, 2018]. Однако, изучив возможные последствия первого варианта, администрация Д. Эйзенхауэра решила отдать предпочтение второму, согласившись провести с Сеулом переговоры о заключении двустороннего договора о безопасности.

О военно-политическом союзе с Соединенными Штатами Ли Сын Ман начал задумываться еще до вывода американских войск

⁴⁰ Syngman Rhee through Western eyes. Seoul: Office of Public Information, 1954. P. 2.

с Корейского полуострова в 1949 г. и даже несколько раз пытался прозондировать этот вопрос. Весной 1953 г., когда шли переговоры о перемирии, южнокорейское правительство предприняло очередную попытку. 3 апреля министр иностранных дел Южной Кореи Пён Ёнтэ заявил американским переговорщикам, что пакт о безопасности с США «будет ценой признания Республикой Корея усилий по перемирию» [цит. по: Kotch, 1983: 241–242]. Эту же мысль Ли Сын Ман изложил в письмах Д. Эйзенхауэру от 14 апреля и М. Кларку от 30 апреля 1953 г.⁴¹ В Вашингтоне отреагировали на южнокорейский зондаж довольно пассивно, поскольку даже в конце Корейской войны продолжали сомневаться в геополитической значимости Южной Кореи для своих интересов. В июле 1953 г. в СНБ рассматривался документ 157/1, в котором анализировались последствия двух возможных вариантов развития событий: Республика Корея в качестве военно-политического союзника США и «единая нейтральная Корея», откуда будут выведены американские войска⁴². После анализа всех издержек и выгод, связанных с обоими вариантами, в документе был сделан вывод о том, что второй является более желательным. В результате 22 мая 1953 г. Госдепартамент отклонил просьбу Сеула о заключении двустороннего договора о безопасности⁴³.

Не сумев убедить Вашингтон вступить с ним в союзные отношения, Ли Сын Ман прибег к весьма рискованному шагу [см. подробнее: Park, 1975: 105–106; Kim, 2001: 95–99, 106–114]. 18 июня 1953 г. он приказал освободить 27 тыс. северокорейских «военнопленных-антикоммунистов» и разрешил тем, кто не хотел возвращаться на Север или в КНР, остаться на территории Республики Корея. Это решение угрожало сорвать уже наметившиеся договоренности,

⁴¹ The President of the Republic of Korea (Rhee) to the Commander in Chief, United Nations Command (Clark), April 30, 1953 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 15. Korea: In 2 parts. Part 1. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1984. P. 955–956. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/J6NIM3HHBYHLI86/E/file-c479c.pdf?dl> (accessed: 05.03.2025).

⁴² Report by the National Security Council (NSC 157/1), Washington, July 7, 1953 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 15. Korea: In 2 parts. Part 2. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1984. P. 1344–1346. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/AUSSJWV6UXFIZ8Z/E/file-c637e.pdf?dl> (accessed: 05.03.2025).

⁴³ The Acting Secretary of State to the Embassy in Korea, Washington, May 22, 1953 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 15. Korea: In 2 parts. Part 1... P. 1086–1090.

так как делегация КНДР на переговорах настаивала не просто на освобождении, а на репатриации своих граждан [см. подробнее: Kim, 2001: 287, 291–294]. Американский посол в Южной Корее Эверетт Бриггс утверждал, что Ли Сын Ман шел на риск из страха, что без пакта о безопасности с Соединенными Штатами «Корея может быть принесена в жертву какой-нибудь великой державе» [цит. по: Kotch, 1983: 243]. Желая сохранить достигнутое перемирие и руководствуясь собственным соображениями, США решили заключить американо-южнокорейский альянс, который был призван выполнить несколько функций. Во-первых, он укреплял Сан-Францисскую систему и по крайней мере внешне «примирял» Южную Корею с Японией. Во-вторых, двусторонний договор о безопасности выступал определенной гарантией того, что КНДР не предпримет попытки объединить страну силой. И в-третьих, он позволял Соединенным Штатам надеяться, что договор удержит Сеул от новых авантюр.

Спустя два месяца после заключения перемирия в Пханмунджоме, 1 октября 1953 г., был подписан Договор о взаимной обороне между США и Республикой Корея, состоявший из 6 статей⁴⁴. В преамбуле стороны подтвердили свою готовность к совместной защите против любого возможного агрессора и к активизации усилий по формированию более широкой и эффективной региональной системы безопасности. Участники признали, «что любое вооруженное нападение в Тихоокеанском регионе на одну из сторон на территориях, которые в настоящее время находятся под административным контролем <...>, поставит под угрозу мир и безопасность ее собственной территории», и обязались принять необходимые меры для устранения общей опасности (ст. 3). Правда, в данной статье содержалась оговорка, что «ничто в настоящем договоре не может быть истолковано как обязывающее Соединенные Штаты оказывать помощь Корее, за исключением случая вооруженного нападения на территорию, признанную Соединенными Штатами законно находящейся под контролем администрации Республики Корея». Иными словами, США обязались защищать Южную Корею только в том случае, если будет атакована ее территория. Сеул в свою очередь

⁴⁴ Mutual Defense Treaty between the United States and the Republic of Korea, October 1, 1953 // The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy. Available at: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp (accessed: 05.03.2025).

предоставлял американскому правительству право размещать свои войска на территории страны и в прилегающих к ней регионах (ст. 4).

Несмотря на то что южнокорейский режим, получив гарантии защиты, не мог рассчитывать на помощь США в достижении своей цели по объединению Кореи силой, опасения по этому поводу у Вашингтона еще оставались. Для того чтобы окончательно их устранить, в ноябре 1953 г. в Сеул отправился вице-президент Ричард Никсон с письмом от Д. Эйзенхауэра. В нем американский президент предупреждал своего южнокорейского коллегу о том, что не передаст договор на ратификацию в Конгресс до тех пор, пока не получит от него письменные гарантии того, что Сеул не будет предпринимать никакие внешнеполитические шаги без консультаций с Вашингтоном⁴⁵. Напутствуя Р. Никсона, Дж.Ф. Даллес отмечал: «Необходимо получить от Ли какие-нибудь ясные письменные заверения в том, что он не собирается вновь начать войну в той азартной игре, которую он может разыграть при нашем участии в его усилиях по насильственному объединению Кореи»⁴⁶. По возвращении 13 ноября 1953 г. Р. Никсон сообщил о получении от Ли Сын Мана обещания всегда обсуждать свои действия на региональной арене с США⁴⁷. В специальном меморандуме южнокорейское правительство согласилось оставить свои войсковые соединения в оперативном подчинении главнокомандующего войсками ООН в Корее (т.е. США), как это было во время войны⁴⁸.

Сохранение Соединенными Штатами контроля над вооруженными силами Республики Корея было инструментом удержания ее правящего режима от опасных, с точки зрения Вашингтона, действий в отношении КНДР и КНР, что, по сути, стало ограничением суверенитета их союзника. В секретном документе СНБ-170 «Цели и курс действий США в Корее», датированном 20 ноября 1953 г.,

⁴⁵ President Eisenhower to the President of the Republic of Korea (Rhee), Washington, November 4, 1953 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 15. Korea: In 2 parts. Part 2... P. 1592.

⁴⁶ The Secretary of State to the Vice President, Washington, November 4, 1953 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 15. Korea: In 2 parts. Part 2... P. 1590.

⁴⁷ Draft telegram from the Vice President to the Secretary of State, Seoul, November 13, 1953 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 15. Korea: In 2 parts. Part 2... P. 1609–1610.

⁴⁸ Results of Secretary Dulles' consultations with President Rhee // The Department of State Bulletin. August 17, 1953. Vol. XXIX. No. 738. P. 203. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015077178112&seq=181> (accessed: 05.03.2025).

подчеркивалось, что если Южная Корея в одностороннем порядке начнет военные операции против китайских или северокорейских сил, то (1) командование войск ООН не будет оказывать ей помощи ни прямо, ни косвенно; (2) США не предоставят никакой военной или материально-технической поддержки таким операциям; (3) вся американская экономическая помощь Южной Корее будет немедленно свернута; и (4) командующий войсками ООН примет меры, необходимые для предотвращения участия международных сил в возобновлении боевых действий и для обеспечения безопасности⁴⁹.

Поскольку японские правящие круги по-прежнему уклонялись от участия страны в обеспечении региональной безопасности, администрация Д. Эйзенхауэра стала больше ценить своего южнокорейского союзника, и отношение Вашингтона к Сеулу постепенно начало меняться в более благоприятном для последнего направлении. На заседании СНБ 28 мая 1954 г. госсекретарь Дж.Ф. Даллес заявил, что «если бы в Индокитае понадобилась дополнительная дивизия», то он бы предпочел, «чтобы туда направилась дивизия РК, а не сухопутные войска США», с чем сразу согласился председатель ОКНШ Артур Рэдфорд⁵⁰. Общая численность южнокорейских войск в то время достигла 650 тыс. человек, значительно превосходя японские вооруженные силы, насчитывавшие только 180 тыс. [данные приводятся по: Hamm, 1999: 67–70]. В таких условиях США пришли к выводу, что «Корею следует рассматривать как нашу “силу” на Дальнем Востоке» [цит. по: Gallicchio, 1990: 70]. В меморандуме СНБ-5514 от 25 февраля 1955 г. прямо подчеркивалась необходимость более широкого вовлечения Южной Кореи в обеспечение коллективной обороны в западной части Тихого океана⁵¹.

⁴⁹ Report by the Executive Secretary (Lay) to the National Security Council (NSC 170/1), Washington, November 20, 1953 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 15. Korea: In 2 parts. Part 2... P. 1621.

⁵⁰ Memorandum of conversation, by Rober Cutler, Special Assistant to the President for National Security Affairs, Washington, May 28, 1954 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 12. East Asia and the Pacific: In 2 parts. Part 1. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1984. P. 525. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/KE3LEQIYFANAA85/E/file-37865.pdf?dl> (accessed: 05.03.2025).

⁵¹ National Security Council report (NSC 5514), Washington, February 25, 1955 // Foreign relations of the United States, 1955–1957. Vol. 23. Part 2: Korea. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1993. P. 47. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/ERH7XUPFYV5PT9B/E/file-c837a.pdf?dl> (accessed: 05.03.2025).

Американо-тайваньский договор о взаимной обороне 1954 г.

Во многом в сходном с Республикой Корея положении находился Тайвань: он также был частью «разделенной» страны, его существование практически целиком зависело от США, а во главе стояло антикоммунистическое правительство Чан Кайши, который не скрывал своего желания вернуться на материк любым путем, включая военный⁵². Он неоднократно публично объявлял о вторжении на континент, приказывал совершать рейды в Китай из Бирмы, направлял свои войска на близкорасположенные к побережью КНР острова и утверждал, что там дислоцированы партизанские отряды, готовые по первому его зову восстать против коммунистического режима в Пекине [Clough, 1978: 10; Tucker, 1994: 19, 68]. Американские военные инструкторы на Тайване рапортовали в Вашингтон о стремлении Чан Кайши спровоцировать войну с КНР, подчеркивая, что США «практически не контролируют силы националистов на Формозе»⁵³.

Первое время после перехода власти в Китае в руки коммунистов и бегства гоминьдановцев на Тайвань администрация Г. Трумэна была готова признать сложившиеся реалии и отказаться от поддержки режима Чан Кайши [Clough, 1978: 7]. Неприязненно относившийся к нему госсекретарь Д. Ачесон в своей речи в январе 1950 г. не включил остров в пределы «тихоокеанского оборонительного периметра» и поклялся, что Чан Кайши никогда не втянет Америку в новую гражданскую войну в Китае [Tucker, 1994: 22, 32]. В то же время Г. Трумэн и его советники не исключали возможности использования гоминьдановских войск для вооруженного противостояния КНР, и Корейская война лишь усилила это желание⁵⁴. Передислоцировав Седьмой флот США в Тайваньский

⁵² The Chargé in Republic of China (Jones) to the Department of State, Taipei, July 22, 1952 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan: In 2 parts. Part 1. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1985. P. 76–77. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/2LWVT7DTTEDZP8W/E/file-5a4e9.pdf?dl> (accessed: 05.03.2025).

⁵³ Memorandum of conversation, by Leonard H. Price of the Office of the Special Assistant for Mutual Security Affairs, Washington, February 20, 1952 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan: In 2 parts. Part 1... P. 13.

⁵⁴ National intelligence estimate (NIE-10), Washington, January 17, 1951 // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 7. Korea and China: In 2 parts. Part 2. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1983. P. 1513. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/6KIW6T74T4FMS8M/E/file-c5264.pdf?dl> (accessed: 05.03.2025);

пролив в июле 1950 г., Вашингтон тем самым фактически дезавуировал свои прежние заявления о «периметре». Объясняя свои действия, 3 июля 1950 г. Г. Трумэн заявил: «Оккупация Формозы коммунистическими силами станет прямой угрозой безопасности Тихоокеанского района и войскам Соединенных Штатов, выполняющим законные и необходимые функции в данной зоне. Соответственно я приказал Седьмому флоту предотвратить любое нападение на Формозу. Как следствие этой акции, я призываю китайское правительство на Формозе прекратить все воздушные и морские операции против материка»⁵⁵.

Приход к власти республиканца Д. Эйзенхауэра воодушевил Чан Кайши, который увидел в этом возможность укрепить связи с США в области безопасности. В декабре 1952 г. он довел до сведения избранного президента две свои заветные цели: заключение с США союзного договора и продолжение получения американской военной помощи [Lin, 2013: 979]. В Вашингтоне его услышали и правильно поняли. В принятом в ноябре 1953 г. документе СНБ-166/1 отмечалось, что гоминьдановский режим является «важным активом для укрепления позиций США на Дальнем Востоке», где его вооруженные силы «обеспечивают единственный легкодоступный стратегический резерв»⁵⁶, насчитывавший на тот момент около 500 тыс. солдат⁵⁷. Кроме того, в отличие от Южной Кореи, защищать остров было гораздо легче. Американские стратеги пришли к заключению, что тайваньские войска «представляют собой очевидный источник людской силы» в случае, если вторжение китайских коммунистов в Индокитай или Корею «вынудит США к крупномасштабным дей-

Memorandum by the Assistant Secretary of State for Far Eastern Affairs (Rusk) to the Secretary of State, Washington, January 17, 1951 // Ibid. P. 1517.

⁵⁵ U.S. Air and Sea Forces ordered into supporting action: Statement by President Truman // The Department of State Bulletin. July 3, 1950. Vol. XXIII. No. 574. P. 5. Available at: [https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015077178146&seq=1&q1=F](https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015077178146&seq=1&q1=Formosa)ormosa (accessed: 05.03.2025).

⁵⁶ Statement of policy by the National Security Council (NSC 166/1), Washington, November 6, 1953. Enclosure: NSC staff study on U.S. policy toward Communist China // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan: In 2 parts. Part 1... P. 300.

⁵⁷ National intelligence estimate (NIE-43-54): Probable developments in Taiwan through mid-1956, Washington, September 14, 1954 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan: In 2 parts. Part 1... P. 636–640.

ствиям против Китая»⁵⁸. Еще одним фактором, повышавшим геополитическое значение Тайваня, было нежелание Японии играть роль главной ударной силы в регионе [Garver, 1997: 63–65]. В отличие от южнокорейского лидера, Чан Кайши проявлял гораздо более терпимое отношение к американским планам «возрождения» Японии, что было обусловлено его другим подходом к обеспечению безопасности страны, связанным с островным положением Тайваня. Учитывая эти обстоятельства, США решили продолжать оказывать сторонникам Чан Кайши военную помощь «под постоянным контролем в свете развития японских сил»⁵⁹.

Вместе с тем администрация Д. Эйзенхауэра, хотя и отказалась от прежнего подхода к Тайваню, интегрировала его в «оборонный периметр», а также согласилась и дальше оказывать ему военную помощь, но она по-прежнему отрицательно относилась к перспективе подписания с ним союзного договора, особенно учитывая амбиции Чан Кайши⁶⁰. Весной 1953 г. он убеждал американского президента, что может мобилизовать 60 дивизий в качестве «острия копья» для вторжения на материк, и просил поддержать их путем блокады побережья и бомбардировок объектов материкового Китая⁶¹. Добиваясь перемирия в Корее, Вашингтон опасался реализации такого сценария и беспокоился о том, что подобные действия «союзника» могут не только нарушить его планы, но и втянуть США в прямой конфликт с КНР. Таким образом, новая администрация столкнулась с дилеммой «двойного сдерживания». Она должна была, с одной стороны, демонстрировать решимость противостоять Китаю, а с другой — добиваться того, чтобы Чан Кайши не воспринял это как поддержку и сигнал к началу агрессивных действий против КНР [Cha, 2010: 170]. Когда в начале 1953 г. Седьмой флот покинул Тайваньский пролив, на заседании СНБ Д. Эйзенхауэр выразил обеспокоенность тем, что «реальная беда и опасность [не в Китае, а]

⁵⁸ Statement of policy by the National Security Council (NSC 146/2), Washington, November 6, 1953. Enclosure: NSC staff study on United States objectives and courses of action with respect to Formosa and the Chinese National Government // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan: In 2 parts. Part 1... P. 318.

⁵⁹ Ibid. P. 308.

⁶⁰ Ibid. P. 308, 318.

⁶¹ The Charge in the Republic of China (Jones) to the Department of State, Taipei, May 27, 1953 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan: In 2 parts. Part 1... P. 197.

в том, что Чан Кайши может выйти на тропу войны»⁶². Дж.Ф. Даллес предупредил, что лидер Гоминьдана вполне способен использовать против КНР американские реактивные бомбардировщики, которые должны были быть поставлены Тайваню, и заявил, что «Министерство обороны обязано приостановить любые поставки самолетов, способных атаковать материк, пока мы не получим политическое соглашение, которое мы хотим»⁶³.

Чан Кайши продолжал давить. В марте 1953 г. его посол в США Веллингтон Ку предложил Дж.Ф. Даллесу обсудить идею подписания договора о союзе. Госсекретарь ушел от прямого ответа, подчеркнув необходимость регионального соглашения о безопасности для всей Азии и сославшись на осложнения, которые могут возникнуть в случае, если американо-тайваньский альянс будет сформирован до запланированной на весну 1954 г. Женевской конференции по Индокитаю [Lin, 2013: 983]. Не получив ясного ответа, Чан Кайши 28 июня 1954 г. сам представил идею союза американскому послу на Тайване Карлу Ранкину, однако и эта инициатива не нашла поддержки в Государственном департаменте [Qiang, 1994: 157–158]. Нежелание дипломатов идти на формальные договоренности с правительством Чан Кайши в целом совпадало с настроениями, царившими в Пентагоне, который в принципе выступал против увеличения оборонных обязательств США в Тихоокеанском регионе [Garver, 1997: 55].

Переломным моментом в американо-тайваньском диалоге по поводу заключения союзного договора стал начавшийся в сентябре 1954 г. вооруженный конфликт между КНР и Тайванем из-за группы прибрежных островов, находившихся под юрисдикцией Китайской Республики. 9 сентября на встрече с Дж.Ф. Даллесом Чан Кайши вновь поднял вопрос о союзе и высказался за скорейшее заключение соответствующего договора⁶⁴. Пару недель спустя, 21 сентября, он говорил о том же с послом К. Ранкиным, упрекнув США в нере-

⁶² Memorandum of discussion at the 139th meeting of the National Security Council, Washington, April 8, 1953 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan: In 2 parts. Part 1... P. 181.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ The Ambassador in the Republic of China (Rankin) to the Department of State, Taipei, September 9, 1954 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan: In 2 parts. Part 1... P. 581–582.

шительности⁶⁵. Для того чтобы предотвратить прямое нападение Народно-освободительной армии Китая на Тайвань и заручиться поддержкой усилий американской дипломатии по деэскалации кризиса со стороны Чан Кайши, администрация Д. Эйзенхауэра решила пойти ему навстречу.

Переговоры прошли в ускоренном темпе, и 2 декабря 1954 г. был подписан Китайско-американский договор о взаимной обороне⁶⁶. Он состоял из 10 основных статей, включая положение о том, что при нападении на одну страну другая окажет ей помощь и военную поддержку. Договор поддерживал претензии Китайской Республики на роль единственного законного правительства Китая. В территориальном плане действие пакта ограничивалось только защитой острова Тайвань и Пескадорских островов, что само по себе было определенным предупреждением для чанкайшистского режима не начинать какие-либо односторонние военные действия против КНР. При ратификации документа американский Сенат одобрил резолюцию об использовании президентом США вооруженных сил для выполнения вытекающих из договора обязательств без санкции Конгресса, что предусматривала Конституция страны. Договор не содержал каких-либо ограничений по срокам, а в ст. 10 говорилось, что любая сторона может расторгнуть его через год после уведомления партнера.

Связанную с Тайванем дилемму администрация Д. Эйзенхауэра смогла успешно разрешить, согласовав секретный протокол, который обеспечивал контроль США за тем, как и когда Китайская Республика могла применить силовой подход. В ходе обмена нотами между госсекретарем Дж.Ф. Даллесом и министром иностранных дел Тайваня Джорджем Йе (Йе Кунг-чао) 10 декабря 1954 г. было решено, что использование силы требует «совместного соглашения» между Тайбэем и Вашингтоном: «С учетом обязательств обеих сторон по указанному Договору и того факта, что применение силы в любом из этих районов одной из сторон затрагивает другую сторону, достигнута договоренность о том, что такое применение силы будет

⁶⁵ The Ambassador in the Republic of China (Rankin) to the Department of State, Taipei, September 21, 1954 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan: In 2 parts. Part 1... P. 652.

⁶⁶ Mutual Defense Treaty between the United States and the Republic of China, December 2, 1954 // The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy. Available at: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/chin001.asp (accessed: 05.03.2025).

предметом совместного соглашения при условии осуществления действий чрезвычайного характера, которые определенно являются реализацией неотъемлемого права на самооборону»⁶⁷. В записке Д. Эйзенхауэру после парафирования договора в ноябре 1954 г. Дж.Ф. Даллес раскрыл его истинную политическую подоплеку: «Договор касается нападения непосредственно на Формозу <...> без нашего согласия китайцы не будут применять силу ни с Формозы, ни с Пескадоров, ни с прибрежных островов. <...> [Этот договор] безоговорочно застолбил наши интересы на Формозе и Пескадорах, причем на такой основе, которая не позволит китайским националистам вовлечь нас в войну с коммунистическим Китаем»⁶⁸.

* * *

Подписание пакта с Республикой Китай стало заключительным штрихом в формировании Сан-Францисской системы. Стержнем ее служили американо-японские договоренности, обеспечивавшие Японии не только защиту, но и экономическую поддержку со стороны США, включая доступ на богатый и емкий внутренний американский рынок. Эти договоры дополняли заключенные с другими дальневосточными странами соглашения, которые условно можно разделить на «гарантийные» и «перестраховочные». К первым относились двусторонний американо-филиппинский договор о взаимной безопасности и тройственный Тихоокеанский пакт безопасности с Австралией и Новой Зеландией, которые были подписаны накануне и в первый день конференции в Сан-Франциско и обеспечивали союзникам гарантии со стороны США в случае возрождения японского милитаризма. Вторая часть системы, а именно договоры о взаимной безопасности с Южной Кореей и Тайванем, появилась в 1953–1954 гг. Заключая эти соглашения, Вашингтон учитывал, что обе страны являлись, по сути, «разделенными нациями», руководство которых хотело выступать в качестве объединительной силы и, опираясь на мощь США, вполне могло развязать вооруженный конфликт с КНР или КНДР, чреватый серьезными последствиями. Стремясь обеспечить безопасность и выживание важных для стратегии «от-

⁶⁷ United States treaties and other international agreements. Vol. 6. Part 1. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1956. P. 454.

⁶⁸ Memorandum by the Secretary of State to the President, Washington, November 23, 1954 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan: In 2 parts. Part 1... P. 929.

брасывания коммунизма» союзников, одновременно не повышая риска вовлечения Соединенных Штатов в ядерную войну со всем «коммунистическим блоком», администрация Д. Эйзенхауэра решила «перестраховаться». Выходом из столь непростой ситуации стали отдельные протоколы к подписанным договорам, в соответствии с которыми обязательства США фактически аннулировались в том случае, если власти Южной Кореи или Тайваня совершали неугодные Вашингтону внешнеполитические акции.

Построенная по схеме «втулки и спиц» Сан-Францисская система первоначально носила ситуативный характер. Ни в военные, ни в первые послевоенные годы никто из американских планировщиков не собирался выстраивать отношения с азиатскими странами на двусторонней основе. Администрации Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра отдавали предпочтение многосторонним альянсам наподобие НАТО как оптимальному формату международного сотрудничества. Несмотря на реальные трудности в процессе складывания Тихоокеанского пакта, основной причиной его свертывания была начавшаяся война в Корее. В 1954 г. по инициативе и при активном участии США был подписан Договор о коллективной обороне Юго-Восточной Азии, на основе которого была образована соответствующая организация (СЕАТО; South-East Asia Treaty Organization — SEATO), в общих чертах напоминавшая НАТО [см. подробнее: Нестеров, 1961]. Ее член Таиланд в 1962 г. также заключил с США двусторонний договор, согласно которому Вашингтон брал на себя обязательство защищать его и поддерживать его армию [см. подробнее: Theeravit, 1979]. Однако попытка дополнить «вертикальные альянсы» восточноазиатских государств с Соединенными Штатами «горизонтальными» связями между ними самими в очередной раз оказалась неудачной. СЕАТО просуществовала до 1977 г., и ее распад еще раз подтвердил правильность принципов, на которых строилась оказавшаяся весьма устойчивой Сан-Францисская система.

В настоящее время она включает пять государств: Японию, Австралию, Южную Корею, Филиппины и Таиланд, с которыми у США есть официальные договоры, а также Сингапур, Новую Зеландию и Тайвань, которые при отсутствии юридически обязывающих документов правильнее назвать военно-политическими партнерами [Лукин, Коротич, 2017: 5]. Новая Зеландия, ранее состоявшая в трехстороннем союзе с США и Австралией, была исключена из него в 1986 г. после создания безъядерной зоны в своих территориальных

водах. Договор о взаимной обороне с Китайской Республикой потерял силу после установления в 1979 г. дипломатических отношений между США и КНР. Американско-тайваньские связи в настоящее время регулирует Закон об отношениях с Тайванем (1979). В широком историческом плане Сан-Францисская система сыграла такую же важную роль в Тихоокеанском бассейне, как НАТО в Атлантическом. Она «соединила» Америку со странами Восточной Азии, благодаря чему на месте «исторического» Дальнего Востока после Второй мировой войны сформировался новый Азиатско-Тихоокеанский регион.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вербицкий С.И. Японо-американский военно-политический союз (1951–1970 гг.). М.: Наука, 1972.
2. История дипломатии: В 5 т. Т. 5. Кн. 1 / Под ред. В.С. Семёнова, М.А. Харламова. М.: Политиздат, 1974.
3. Левтонова Ю.О. История Филиппин: Краткий очерк. М.: Наука, 1979.
4. Лукин А.Л., Коротич С.А. Между Вашингтоном и Пекином: что ждет азиатско-тихоокеанские альянсы США? // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 4. С. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15.
5. Нестеров С.М. США и СЕАТО. М.: Издательство АН СССР, 1961.
6. Садаков Д.А. «На крайний случай»: США, Ли Сын Ман и операция «Everready» в годы Корейской войны (1952–1953 гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 4 (43). С. 40–49. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-4-40-49.
7. Сидоров А.А. Несостоявшийся альянс: США и Тихоокеанский пакт 1949–1951 годов // Новая и новейшая история. 2020. № 1. С. 127–146. DOI: 10.31857/S013038640008191-8.
8. Тихомиров В.Д. Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х годов). М.: Восточная литература, 1998.
9. Уткин А.И. США — Япония: вчера, сегодня, завтра. М.: Наука, 1990.
10. Acharya A. Whose ideas matter? Agency and power in Asian regionalism. Ithaca: Cornell University Press, 2009.
11. Barbantan A. Pacific dream? The evolution of US strategic culture and alliances in the Indo-Pacific. Cham: Palgrave MacMillan, 2024.
12. Barclay G.St.J. Australia looks to America: The wartime relationship, 1939–1942 // Pacific Historical Review. 1977. Vol. 46. No. 2. P. 251–271. DOI: 10.2307/3637934.
13. Beisner R.L. Dean Acheson: A life. Oxford: Oxford University Press, 2006.

14. Cha V.D. *Powerplay: The origins of the American alliance system in Asia*. Princeton: Princeton University Press, 2016.
15. Cha V.D. *Powerplay: Origins of the U.S. alliance system in Asia // International Security*. 2010. Vol. 34. No. 3. P. 158–196. DOI: 10.1162/isec.2010.34.3.158.
16. Clough R.N. *Island China*. Cambridge: Harvard University Press, 1978.
17. Denmark A.M. *U.S. strategy in the Asian century: Empowering allies and partners*. New York: Columbia University Press, 2020.
18. Gaddis J.L. *The long peace: Inquiries into the history of the Cold War*. New York: Oxford University Press, 1987.
19. Gallicchio M.S. *The best defense is a good offense: The evolution of American strategy in East Asia, 1953–1960 // The great powers in East Asia, 1953–1960 / Ed. by W.I. Cohen, A. Iriye*. New York: Columbia University Press, 1990.
20. Garver J.W. *The Sino-American alliance: Nationalist China and American Cold War strategy in Asia*. Armonk: M.E. Sharpe, 1997.
21. Hamm T.-Y. *Arming the two Koreas: State, capital, and military power*. London: Routledge, 1999.
22. Hemmer Ch., Katzenstein P.J. *Why is there no NATO in Asia? Collective identity, regionalism, and the origins of multilateralism // International Organization*. 2002. Vol. 56. No. 3. P. 575–607. DOI: 10.1162/002081802760199890.
23. Izumikawa Y. *Network connections and the emergence of the hub-and-spokes alliance system in East Asia // International Security*. 2020. Vol. 45. No. 2. P. 7–50. DOI: 10.1162/isec_a_00389.
24. Kelly A.M. *ANZUS and the early Cold War: Strategy and diplomacy between Australia, New Zealand and the United States, 1945–1956*. Cambridge: Open Book Publishers, 2018.
25. Kim S. J.-W. *Master of manipulation: Syngman Rhee and the Seoul-Washington alliance, 1953–1960*. Seoul: Yonsei University Press, 2001.
26. Kotch J. *The origins of the American security commitment to Korea // Child of conflict: The Korean-American relationship, 1943–1953 / Ed. by B. Cumings*. Seattle: University of Washington Press, 1983. P. 239–259.
27. Kusunoki A. *Yoshida Shigeru to Anzenhosho Seisaku no Keisei*. Kyoto: Minerva, 2009. (In Japan.)
28. Lin H.-T. *U.S.-Taiwan military diplomacy revisited: Chiang Kai-shek, Baituan, and the 1954 Mutual Defense Pact // Diplomatic History*. 2013. Vol. 37. No. 5. P. 971–994. DOI: 10.1093/dh/dht047.
29. Mabon D.W. *Elusive agreements: The Pacific Pact proposals of 1949–1951 // Pacific-Historical Review*. 1988. Vol. 57. No. 2. P. 147–177. DOI: 10.2307/4492264.
30. McIntyre W.D. *Background to the ANZUS pact: Policy-makers, strategy and diplomacy, 1945–55*. London: Palgrave Macmillan, 1995.
31. McMahon R.J. *The Cold War on the periphery: The United States, India and Pakistan*. New York: Columbia University Press, 1996.

32. Nester W.R. The reverse course, 1947–52 // *Power across the Pacific: A diplomatic history of American relations with Japan* / W.R. Nester. London: Palgrave Macmillan, 1996. P. 224–260.

33. Owendale R. The English-speaking alliance: Britain, the United States, the dominions and the Cold War, 1945–1951. London: George Allen & Unwin, 1985.

34. Park C.J. The influence of small states upon the superpowers // *World Politics*. 1975. Vol. 28. No. 1. P. 97–117. DOI: 10.2307/2010031.

35. Prados J. Assessing Dien Bien Phu // *The first Vietnam War: Colonial conflict and Cold War crisis* / Ed. by M.A. Lawrence, F. Logevall. Cambridge: Harvard University Press, 2007. P. 215–239.

36. Prados J. Vietnam: The history of an unwinnable war, 1945–1975. Lawrence: University Press of Kansas, 2009.

37. Press-Barnathan G. Organizing the world: The United States and regional cooperation in Asia and Europe. New York: Routledge, 2003.

38. Qiang Z. The dragon, the lion, and the eagle: Chinese-British-American relations, 1945–1958. Kent: Kent State University Press, 1994.

39. Rethinking the San Francisco System in Indo-Pacific security: Enduring legacies, structural contradictions and geopolitical rivalry / Ed. by Y. Sugita, V. Teo. Singapore: Palgrave Macmillan, 2022.

40. Robb T.K., Gill D.J. The ANZUS treaty during the Cold War: A reinterpretation of U.S. diplomacy in the Southwest Pacific // *Journal of Cold War Studies*. 2015. Vol. 17. No. 4. P. 109–157. DOI: 10.1162/JCWS_a_00599.

41. The San Francisco System and its legacies: Continuation, transformation, and historical reconciliation in the Asia-Pacific / Ed. by H. Kimie. New York: Routledge, 2015.

42. Schonberger H.B. Aftermath of war: Americans and the remaking of Japan, 1945–1952. Kent: Kent State University Press, 1989.

43. Shin G.-W., Sneider D. Divergent memories: Opinion leaders and the Asia-Pacific war. Stanford: Stanford University Press, 2016.

44. Tang T. America's failure in China, 1941–1950. Chicago: University of Chicago Press, 1967.

45. Theeravit K. Thailand: An overview of politics and foreign relations // *Southeast Asian Affairs*. 1979. Vol. 6. No. 1. P. 299–311.

46. Thompson S. The evolution of Southeast Asian regionalism: Security, economic development, and foreign power support for regional initiatives, 1947–77 // *JAS (Journal of ASEAN Studies)*. 2017. Vol. 5. No. 1. P. 1–22. DOI: 10.21512/jas.v5i1.4160.

47. Tow W.T., Anwar Z. Why has the San Francisco System survived? Historical and theoretical perspectives // *Asian Politics & Policy*. 2020. Vol. 12. No. 1. P. 8–26. DOI: 10.1111/aspp.12515.

48. Tucker N.B. Taiwan, Hong Kong, and the United States, 1945–1992: Uncertain friendships. New York: Twayne Publishers, 1994.

49. Vucetic S. *The Anglosphere: A genealogy of a racialized identity in international relations*. Stanford: Stanford University Press, 2011.
50. Watt A. *The evolution of Australian foreign policy, 1938–1965*. Cambridge: Cambridge University Press, 1967.
51. Welfield J. *An empire in eclipse: Japan in the postwar American alliance system*. London: The Athlone Press, 1988.
52. Xiang L. The recognition controversy: Anglo-American relations in China, 1949 // *Journal of Contemporary History*. 1992. Vol. 27. No. 2. P. 319–343. DOI: 10.1177/002200949202700206.
53. Zelizer J.E. *Arsenal of democracy: The politics of national security — From World War II to the war on terrorism*. New York: Basic Books, 2010.

REFERENCES

1. Verbitskii S.I. 1972. *Yapono-amerikanskii voenno-politicheskii soyuz (1951–1970 gg.)* [The Japanese-American military and political alliance, 1951–1970]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
2. Semenov V.S., Kharlamov M.A. (eds.). 1974. *Istoriya diplomatii: V 5 t. T. 5. Kn. 1* [The history of diplomacy: In 5 vols. Vol. 5. Book 1]. Moscow, Politizdat Publ. (In Russ.)
3. Levtonova Yu.O. 1979. *Istoriya Filippin. Kratkii ocherk* [History of the Philippines. A sketch]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
4. Lukin A.L., Korotich S.A. 2017. Mezhdunarodnye soyuzy SShA i Pekin: chtozhdet aziatsko-tikhookeanskiesoyuzy SShA? [The Asia-Pacific alliances of the United States: Between balancing, neutralization and hedging]. *World Economy and International Relations*, vol. 61, no. 4, pp. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15. (In Russ.)
5. Nesterov S.M. 1961. *SShA i SEATO* [USA and SEATO]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ. (In Russ.)
6. Sadakov D.A. 2018. 'Na krainii sluchai': SShA, Li Syn Man i operatsiya 'Everready' v gody Koreiskoi voyny (1952–1953 gg.) [For the extreme case: USA, Syngman Rhee and the Everready operation in the Korean War (1952–1953)]. *Perm University Herald. History*, no. 4 (43), pp. 40–49. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-4-40-49. (In Russ.)
7. Sidorov A.A. 2020. Nesostoyavshisya al'yansy: SShA i Tikhookeanskii pakt 1949–1951 godov [Frustrated alliance: The United States and the Pacific Pact, 1949–1951]. *Modern and Contemporary History*, no. 1, pp. 127–146. DOI: 10.31857/S013038640008191-8. (In Russ.)
8. Tikhomirov V.D. 1998. *Koreiskaya problema i mezhdunarodnye faktory (1945 — nachalo 80-kh godov)* [The Korean problem and international factors (1945 — early 80s)]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. (In Russ.)
9. Utkin A.I. *SShA — Yaponiya: vchera, segodnya, zavtra* [USA — Japan: yesterday, today, tomorrow]. Moscow, Nauka. (In Russ.)

10. Acharya A. 2009. *Whose ideas matter? Agency and power in Asian regionalism*. Ithaca, Cornell University Press.
11. Barbantan A. 2024. *Pacific dream? The evolution of US strategic culture and alliances in the Indo-Pacific*. Cham, Palgrave MacMillan.
12. Barclay G.St.J. 1977. Australia looks to America: The wartime relationship, 1939–1942. *Pacific Historical Review*, vol. 46, no. 2, pp. 251–271. DOI: 10.2307/3637934.
13. Beisner R.L. 2006. *Dean Acheson: A life*. Oxford, Oxford University Press.
14. Cha V.D. 2016. *Powerplay: The origins of the American alliance system in Asia*. Princeton, Princeton University Press.
15. Cha V.D. 2010. Powerplay: Origins of the U.S. alliance system in Asia. *International Security*, vol. 34, no. 3, pp. 158–196. DOI: 10.1162/isec.2010.34.3.158.
16. Clough R.N. 1978. *Island China*. Cambridge, Harvard University Press.
17. Denmark A.M. 2020. *U.S. strategy in the Asian century: Empowering allies and partners*. New York, Columbia University Press.
18. Gaddis J.L. 1987. *The long peace: Inquiries into the history of the Cold War*. New York, Oxford University Press.
19. Gallicchio M.S. 1990. The best defense is a good offense: The evolution of American strategy in East Asia, 1953–1960. In: Cohen W.I., Iriye A. (eds.). *The great powers in East Asia, 1953–1960*. New York, Columbia University Press.
20. Garver J.W. 1997. *The Sino-American alliance: Nationalist China and American Cold War strategy in Asia*. Armonk, M.E. Sharpe.
21. Hamm T.-Y. 1999. *Arming the two Koreas: State, capital, and military power*. London, Routledge.
22. Hemmer Ch., Katzenstein P.J. 2002. Why is there no NATO in Asia? Collective identity, regionalism, and the origins of multilateralism. *International Organization*, vol. 56, no. 3, pp. 575–607. DOI: 10.1162/002081802760199890.
23. Izumikawa Y. 2020. Network connections and the emergence of the hub-and-spokes alliance system in East Asia. *International Security*, vol. 45, no. 2, pp. 7–50. DOI: 10.1162/isec_a_00389.
24. Kelly A.M. 2018. *ANZUS and the early Cold War: Strategy and diplomacy between Australia, New Zealand and the United States, 1945–1956*. Cambridge, Open Book Publishers.
25. Kim S. J.-W. 2001. *Master of manipulation: Syngman Rhee and the Seoul-Washington alliance, 1953–1960*. Seoul, Yonsei University Press.
26. Kotch J. 1983. The origins of the American security commitment to Korea. In: Cumings B. (ed.). *Child of conflict: The Korean-American relationship, 1943–1953*. Seattle, University of Washington Press, pp. 239–259.
27. Kusunoki A. 2009. *Yoshida Shigeru to Anzenhosho Seisaku no Keisei* [Shigeru Yoshida and the formation of security policy]. Kyoto, Minerva. (In Japan.)
28. Lin H.-T. 2013. U.S.-Taiwan military diplomacy revisited: Chiang Kai-shek, Baituan, and the 1954 Mutual Defense Pact. *Diplomatic History*, vol. 37, no. 5, pp. 971–994. DOI: 10.1093/dh/dht047.

29. Mabon D.W. 1988. Elusive agreements: The Pacific Pact proposals of 1949–1951. *Pacific-Historical Review*, vol. 57, no. 2, pp. 147–177. DOI: 10.2307/4492264.
30. McIntyre W.D. 1995. *Background to the ANZUS pact: Policy-makers, strategy and diplomacy, 1945–55*. London, Palgrave Macmillan.
31. McMahon R.J. 1996. *The Cold War on the periphery: The United States, India and Pakistan*. New York, Columbia University Press.
32. Nester W.R. 1996. The reverse course, 1947–52. In: Nester W.R. *Power across the Pacific: A diplomatic history of American relations with Japan*. London, Palgrave Macmillan, pp. 224–260.
33. Owendale R. 1985. *The English-speaking alliance: Britain, the United States, the dominions and the Cold War, 1945–1951*. London, George Allen & Unwin.
34. Park C.J. 1975. The influence of small states upon the superpowers. *World Politics*, vol. 28, no. 1, pp. 97–117. DOI: 10.2307/2010031.
35. Prados J. 2007. Assessing Dien Bien Phu. In: Lawrence M.A., Logevall F. (eds.). *The first Vietnam War: Colonial conflict and Cold War crisis*. Cambridge, Harvard University Press, pp. 215–239.
36. Prados J. 2009. *Vietnam: The history of an unwinnable war, 1945–1975*. Lawrence, University Press of Kansas.
37. Press-Barnathan G. 2003. *Organizing the world: The United States and regional cooperation in Asia and Europe*. New York, Routledge.
38. Qiang Z. 1994. *The dragon, the lion, and the eagle: Chinese-British-American relations, 1945–1958*. Kent, Kent State University Press.
39. Sugita Y., Teo V. (eds.). 2022. *Rethinking the San Francisco System in Indo-Pacific security: Enduring legacies, structural contradictions and geopolitical rivalry*. Singapore, Palgrave Macmillan.
40. Robb T.K., Gill D.J. 2015. The ANZUS treaty during the Cold War: A re-interpretation of U.S. diplomacy in the Southwest Pacific. *Journal of Cold War Studies*, vol. 17, no. 4, pp. 109–157. DOI: 10.1162/JCWS_a_00599.
41. Kimie H. (ed.). 2015. *The San Francisco System and its legacies: Continuation, transformation, and historical reconciliation in the Asia-Pacific*. New York, Routledge.
42. Schonberger H.B. 1989. *Aftermath of war: Americans and the remaking of Japan, 1945–1952*. Kent, Kent State University Press.
43. Shin G.-W., Sneider D. 2016. *Divergent memories: Opinion leaders and the Asia-Pacific war*. Stanford, Stanford University Press.
44. Tang T. 1967. *America's failure in China, 1941–1950*. Chicago, University of Chicago Press.
45. Theeravit K. 1979. Thailand: An overview of politics and foreign relations. *Southeast Asian Affairs*, vol. 6, no. 1, pp. 299–311.
46. Thompson S. 2017. The evolution of Southeast Asian regionalism: Security, economic development, and foreign power support for regional initiatives, 1947–77. *JAS (Journal of ASEAN Studies)*, vol. 5, no. 1, pp. 1–22. DOI: 10.21512/jas.v5i1.4160.

47. Tow W.T., Anwar Z. 2020. Why has the San Francisco System survived? Historical and theoretical perspectives. *Asian Politics & Policy*, vol. 12, no. 1, pp. 8–26. DOI: 10.1111/aspp.12515.

48. Tucker N.B. 1994. *Taiwan, Hong Kong, and the United States, 1945–1992: Uncertain friendships*. New York, Twayne Publishers.

49. Vucetic S. 2011. *The Anglosphere: A genealogy of a racialized identity in international relations*. Stanford, Stanford University Press.

50. Watt A. 1967. *The evolution of Australian foreign policy, 1938–1965*. Cambridge, Cambridge University Press.

51. Welfield J. 1988. *An empire in eclipse: Japan in the postwar American alliance system*. London, The Athlone Press.

52. Xiang L. 1992. The recognition controversy: Anglo-American relations in China, 1949. *Journal of Contemporary History*, vol. 27, no. 2, pp. 319–343. DOI: 10.1177/002200949202700206.

53. Zelizer J.E. 2010. *Arsenal of democracy: The politics of national security — From World War II to the war on terrorism*. New York, Basic Books.

Статья поступила в редакцию 26.03.2024;
одобрена после рецензирования 20.03.2025;
принята к публикации 15.04.2025

The paper was submitted 26.03.2024;
approved after reviewing 20.03.2025;
accepted for publication 15.04.2025